

А. В. Крысанова

**БРАТЬЯ ПО «ПЯТОМУ ВРЕМЕНИ ГОДА,
ШЕСТОМУ ЧУВСТВУ И ЧЕТВЕРТОМУ ИЗМЕРЕНИЮ»:
НЕБЕСНОЕ ПРОСТРАНСТВО
В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ**

Небесное пространство поэтического мира М. Цветаевой рассматривается как иерархически и семантически сложная пространственная структура. Выявляется своеобразие уровней небесного пространства. Описываются некоторые особенности трех основных небесных ярусов, а именно въезд в небо, горное пространство «божественных отроков» и вершина горы. Обосновываются причины стремительного движения поэта в инобытийное пространство. Поднимается вопрос богоподобности поэта.

The space of heaven in the poetic world of M. Tsvetaeva is considered as a hierarchically and semantically complex space structure. The author identifies the specific features of the heaven spacium levels and describes the three main tiers of heaven, namely, the entry to heaven, the mountain space of the “divine youths, and the top of the mountain. The article justifies the reasons behind the rapid movement of the poet towards the space of ‘other’ being. The author addresses the issue of the poet’s godlikeness.

Ключевые слова: Цветаева, пространство, небеса, Бог, гора, божественный отрок, поэт, Гений.

Key words: Tsvetaeva, space, heaven, God, mountain, divine youth, poet, Genius.

В черновой рукописи цикл М. Цветаевой «Двое» предваряется следующим посвящением Борису Пастернаку: «Моему брату в пятом времени года, шестом чувстве и четвертом измерении» [1, т. 2, с. 512]. Настоящая встреча двух поэтов, или шире двух художников, согласно представлениям Цветаевой, происходит не в земном мире, а в идеальном пространстве равновеликих сущностей. Иосиф Бродский называет такой цветаевский спациум «чистым пространством» [2, с. 230]. Сама М. Цветаева о земных и неземных встречах пишет: «Я не люблю встреч в жизни: сшибаются лбом. Две стены. Так не проникнешь. Встреча должна быть аркой: тогда встреча — над. — Закинутые лбы!» [1, т. 6, с. 226].

Поиски инобытийного пространства, которое в своих субстанциальных характеристиках исключало бы родство с земным миром, продолжают Цветаевой на протяжении всего творчества. Движущей силой пространственных перемещений героини Цветаевой становится демиургический импульс создания собственного космоса, отвечающего самым высоким требованиям поэта. Конструирование пространства поэта, человека-творца получает статус сверхзадачи, смысл которой сосредоточен в попытке осуществления встречи в родных поэтических просторах с теми, кто стал адресатом писем, очных и заочных бесед, учителем или соратником по поэтическому «деланию», братом по поэтическому труду. Местом таких встреч становятся небеса. Именно там располагается пространство абсолютных смыслов и находится источник поэтического вдохновения.

В пространственной структуре мира Цветаевой небеса представляют собой иерархически и семантически сложноорганизованный спациум. Многоступенчатая структура небесных уровней реализуется в обширности небесного пространства. Цветаева дает небу такие номинации, как, например, «тридевять земель» [1, т. 2, с. 182] или «бездонный чан» [1, т. 2, с. 202], констатируя, что как глубоко ни погружайся в небесное пространство, оно все равно непостижимо — в отличие от тесного, сковывающего земного мира.

Небеса в поэтическом мире Цветаевой божественны — самыми высокими правами там обладает Бог. Конечно, божественность и Бог понимаются Цветаевой весьма неоднозначно, но тем не менее Его присутствие в небесных пространствах поэтического мира Цветаевой очевидно. Необъятность неба и тщетность попыток добраться до его конца¹ получают метафорическую реализацию в образе умножающегося количества небес. Это может быть седьмое небо² или семижды седьмое небо³, семиверстный сад⁴, ступенеобразный рай, поднимающийся амфитеатром⁵.

¹ «Как глубоко ни льни — // Небо — бездонный чан!» [1, т. 2, с. 202]. Здесь и далее знаком «//» обозначается стихораздел, знаком «/» — «перелом» стихотворной строки, знаком «///» — раздел строф.

² «Дыхом-пыхом — дух! //Одни — поножи. / — Догоняй, лопух! //На седьмом уже!» [1, т. 2, с. 90]

³ «Не оскорбила бы меня только страсть ангела: его стыд с семижды седьмого неба превышающий мой (с седьмого)» [3, с. 238].

⁴ «Человек заслуживает ада. // Но и сада // Семиверстного — для одного» [1, т. 2, с. 322].

⁵ «Не один ведь рай, над ним другой ведь // Рай? Террасами? Сужу по Татрам — // Рай не может не амфитеатром // Быть» [1, т. 3, с. 135].

Иерархически такие умножающиеся небеса никак не разведены и являют собой родную Цветаевой идею гераклитовского движущегося мира. Все находится в непрестанном движении, в том числе Бог и, конечно, сама лирическая героиня. В поэме «Новогоднее», обращаясь к Рильке, который уже находится не в земном мире и поэтому обладает истинным знанием, Цветаева спрашивает:

Не ошиблась, Райнер, Бог — растущий // Баобаб? Не Золотой Людовик — // не один ведь Бог? Над ним другой ведь // Бог? [1, т. 3, с. 135].

М. Л. Гаспаров писал об этом следующее:

Бог цветаевской теологии противоположен христианскому (Цветаева сказала бы: церковному) богу: последний — абсолютное бытие, где нет времени, движения, изменения; цветаевский — абсолютное становление, движение, изменение, ускользание [4, с. 184].

Восхождение в инобытие осуществляется посредством деревьев, устремляющихся ввысь. Они выполняют функцию перехода из земного мира в небесный. Лес — это преддверие, граница между мирами, преодолев которую, героиня перемещается в совершенный мир обнажившихся смыслов:

Древа вещая весть! // Лес, вещающий: Есть // Здесь, над сбродом кризиса — // Совершенная жизнь: // Где ни рабств, ни уродств, // Там, где всё во весь рост, // Там, где правда видней: /// По ту сторону дней... [1, т. 2, с. 144].

Небо, которое открывается сразу за деревьями, квалифицируется как въезд в инобытийное пространство: «Кто-то едет. Небо — как въезд. // У деревьев — жесты торжеств [1, т. 2, с. 148].

Небо, в которое перемещается лирическая героиня Цветаевой после преодоления границ, — это исключительно мужское пространство. Оно получает название «Град Друзей» — город, располагающийся на склонах горы, где царят дружеские мужские отношения. Цветаева называет его «небом мужских божеств» и «мужских торжеств». Мужское для Цветаевой во многих отношениях эталон. Гений, который ведет поэта духовными путями, мужского рода. Муза поэта мужественна; и это не столько ее личностная оценка, сколько гендерная характеристика⁶. Этим объясняется такое отчаянное стремление героини Цветаевой отречься от женской природы, отсюда даже некоторая андрогиния ее образа.

Находясь в мужском небе и затем возвращаясь в земной мир, героиня Цветаевой действительно избавляется от страстной женской природы, становится для своего возлюбленного просто сестрой. В стихотворении «Эвридика — Орфею» Цветаева находит, пожалуй, самую точную формулу для таких измененных отношений:

⁶ «Так, в скучном труженичестве дней, // Так, в трудной судорожности к ней, // Забудешь дружественный хорей // Подруги мужественной своей» [1, т. 2, с. 119].

Ведь не растревожишь же! Не повлекуся! // Ни рук ведь! Ни уст, чтоб припасть // Устами! – С Бессмертья змеиным укусом // Кончается женская страсть. // Уплочено же – вспомняи мои крики! – // За этот последний простор. // Не надо Орфею сходить к Эвридике // И братьям тревожить сестер [1, т. 2, с. 183].

Мужское небо кладет предел любовным завоеваниям и принадлежностям, вообще исключает из онтологии историю Адама и Евы, женщины и мужчины:

В тайнописи любви // Небо – какой пробел! <...> В опромети добыч // Небо – какой предел! <...> В летописи ребра // Небо – какой пробел! [1, т. 2, с. 127–128].

131

Главные характеристики этого пространства – «пустое», «крутое», «золотое»:

Помни закон: // Здесь не владей! // Чтобы потом – // В Граде Друзей: // В этом пустом, // В этом крутом // Небе мужском // – Сплошь золотом [1, т. 2, с. 125].

Пустота небес связана с их освобожденностью от всего земного и страстного. В записных книжках Цветаева пишет о «блаженной небесной пустоте» [3, с. 219], о небе как сосуде, то есть «безмерном месте для» [3, с. 219]. Крутым оно называется потому, что именно этот небесный уровень располагается на склоне горы, откуда очень легко свалиться. Удержаться на ней может только божественный отрок. Согласно представлениям Цветаевой, это поэт, которого его Гений привел в особое пространство высоких дружб, или пространство искусства. Лирическая героиня стремится быть в Граде Друзей, в мужском пространстве, не на мизерных правах женщины, а на равных. Учитывая жесткую избирательность этого пространства и необходимость обретения некоторых мужских качеств, это представляется вдвойне сложным:

Так, между отрочеств: // Между равенств, // В свежих широтах // Зорь, в загараньях // Игр – на сухом ветру // Здравствуй, бесстрастье душ! // В небе тарпейских круч, // В небе спартанских дружб! [1, т. 2, с. 126].

Именно на горе мыслится встреча лирической героини с Пушкиным⁷, Маяковский описывается как тот, кто берет «гору пролетарского Синая» [1, т. 2, с. 274], сама лирическая героиня отождествляет себя с горой; мужское небо, или пространство поэтов получает название «горный лагерь лбов» [1, т. 2, с. 139], «содружества заоблачный отвес» [1, т. 2, с. 62].

Поднимаясь на гору, поэт возвращается в «чистое пространство», туда, где он будет черной овечкой среди такого же стада черных овец,

⁷ См. стихотворение «Встреча с Пушкиным» [1, т. 1, с. 187].

туда, где ему больше не нужно быть переводчиком с небесного языка на земной, потому что, как свидетельствует Цветаева в стихотворении «Сугробы», там «даже слов-то нет» [1, т. 2, с. 102].

Земной опыт поэта не идет ни в какое сравнение с небесным. В письме к Пастернаку от 10 февраля 1923 г. Цветаева пишет о соотношении двух этих знаний (земном и небесном):

Пастернак, есть тайный шифр. Вы — сплошь шифрованы, Вы безнадежны для «публики». <...> Да и я Вас не знаю, никогда не осмелюсь, потому, что и Пастернак часто сам не знает, Пастернак пишет буквы, а потом — в прорыве ночного прозрения — на секунду осознает, чтобы утром опять забыть. А есть другой мир, где Ваша тайнопись — детская пропись. Горние Вас читают шутя [1, т. 6, с. 231].

132

Чтобы соответствовать этому пространству, нужно обладать божественной природой, близкой природе Бога, быть почти Богом. Цветаева называет себя как поэта «Господним волонтером», полномочия которого простираются далеко за пределы человеческих возможностей:

Бог! — Я живу! — Бог! — Значит ты не умер! // Бог, мы союзники с тобой! // Но ты старик угрюмый, // А я — герольд с трубой. // Бог! Можешь спать в своей ночной лазури! // Доколе я среди живых. <...> Бог! — Я любовью не дочерней, — // Сыновне я тебя люблю. // Смотри: кустом неопалимым // Горит походный мой шатер. // Не поменяюсь с серафимом: // Я твой Господень волонтер [1, т. 1, с. 486—487].

Поэт для Цветаевой — бог, «божий, божественный» [1, т. 6, с. 234], «полубог» [1, т. 6, с. 231], как определяет она, например, Пастернака; в каждом поэте есть так называемое «оборонительное божество» [1, т. 6, с. 250], или Дух, Гений, который больше самого человека-поэта. Как над Богом еще один Бог, так и над поэтом еще один поэт — тот же самый, но уже другой, выше, совершеннее.

Поэтому и пространство божественных отроков — это промежуточное пространство, над которым (в принципиальной бесконечности небес вообще) открывается еще один уровень неба, доступный поэту — вершина горы. По мере удаления от мужского неба в направлении вершины горы степень «блаженной небесной пустоты», о которой писала Цветаева, усиливается. Поэт ищет такое пространство, которое было бы абсолютно пустым, другими словами, свободным ото всего и всех, в том числе и от Бога. Сад, о котором, как о самом желанном пространстве пишет Цветаева в 1934 г., имея в виду, конечно, не земной, а небесный сад, должен быть свободен не только от всего земного, но и от присутствия Бога. Его не должно быть не только в самом саду, но и вблизи сада: «Скажи: довольно муки — на // Сад — одинокий, как сама. // (Но около и Сам не стань!) // — Сад, одинокий, как ты Сам» [1, т. 2, с. 320]. Бог и божественное пространство, а значит, поэт и поэтическое пространство, в смысловом плане практически рифмуются с пустотой и с ограниченным, защищенным спациумом. Например, в стихотворении «Двух станов не боец» Цветаева пишет: «Бог — один. Тот — в пус-

тоте небес» [1, т. 2, с. 334]; или в стихотворении «П. Антокольскому» — наставляет поэта и формулирует одно из своих «философских кредо»⁸:

Вот талисман тебе от красных губ, // Вот первое звено в твоей кольчуге, — // Чтoб в буре дней стоял один — как дуб, // Один — как Бог в своем железном круге!) [1, т. 1, с. 464].

Могила поэта, место его последнего упокоения находится именно на вершине горы. Это «крыша мира»⁹, согласно определению самой Цветаевой, или, как она пишет в стихотворении «Здесь — в поднебесье», имея в виду и конкретное место погребения Максимилиана Волошина, гору вблизи Коктебеля, «самое высокое место»:

Ветхозаветная тишина, // Сирой полыни крестик. // Похоронили поэта на // Самом высоком месте. <...> // Выше которого только вздох, // Мой из моей неволи. // Выше которого — только Бог! // Бог — и ни вещи боле. // Всечеловека среди высот // Вечных при каждом строе. // Как подбирает поэта — под // Небом и над землею. // В гор ряду, в зорь ряду, в гнезд ряду, // Орльих, по всем утесам [1, т. 2, с. 304].

Поэт, в представлении Цветаевой, бесконечно устремлен в такое же бесконечное небо. В письме к Рильке, размышляя о сущности поэта, Цветаева пишет: «Дерево выше самого себя, дерево перерастает себя, — потому такое высокое. Из тех, о которых Бог — к счастью — не заботится¹⁰ (сами о себе заботятся!) и которые растут прямо в небо, в семидесятое» [5, с. 93]. Опыт «прорастания» в самые высокие небеса становился одновременно и самым глубоким, и самым трагическим в жизни и творчестве Цветаевой, которая писала о нем следующее:

Теперь, отрешась на секунду, что я женщина: вот Вам обычная жизнь поэта: верх (друзья) и низ (пристрастья), с той разницей, что я в этот низ вносила весь свой верх, отсюда — трагедия [3, с. 259];

и еще:

Как поэту — мне не нужен никто. Как женщине, то есть существу смутному, мне нужна ясность, — и существу стихийному — мне нужна воля: воля другого к лучшей мне [3, с. 259].

Цветаевская воля к лучшему в другом — в Рильке, Пастернаке, Ахматовой, Гёте и многих других, создавала высокие дружбы божественных отроков, поэтов, прорастающих в небеса, как в Логос, которому уже не нужны костыли в виде букв и звуков.

⁸ Понятие предложено И. Бродским в его статье «Об одном стихотворении»: «Цветаева — поэт чрезвычайно искренний, вообще, возможно, самый искренний в истории русской поэзии. Она ни из чего не делает тайны, и менее всего — из своих эстетических и философских кредо...» [2, с. 194].

⁹ См. стихотворение «С этой горы, как с крыши мира» [1, т. 2, с. 222].

¹⁰ Если бы заботился, смягчал бы их участь, уменьшал боль, а для поэта, как считала Цветаева, бесценный опыт состоит именно в боли, в том, чтобы не смягчать.

Список литературы

1. Цветаева М. Собр. соч. : в 7 т. М., 1995.
2. Бродский И. Об одном стихотворении // Бродский И. Меньше единицы : Избранные эссе. М., 1999. С. 191 – 250.
3. Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. М., 1997.
4. Гаспаров М.Л. «Поэма Воздуха» Марины Цветаевой: опыт интерпретации // Гаспаров М.Л. Избранные труды : в 3 т. М., 1997. Т. 2 : О стихах.
5. Рильке Р. М., Пастернак Б., Цветаева М. Письма 1926 года. М., 1990.

Об авторе

Анастасия Владимировна Крысанова – ассист., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: kryvla@mail.ru

About the author

Anastasiya Krysanova, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: kryvla@mail.ru